

Патристика и постмодерн: преодоление разрыва¹

Вэнди Майер

PhD, профессор церковной истории, Австралийский лютеранский колледж (ALC) (г. Аделаида, Австралия)

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Майер В. Патристика и постмодерн:

преодоление разрыва / пер. с англ. А. Петрова // Богослов. 2025. № 4 (8). С. 7–41.

DOI: 10.62847/BOGOSLOV.2025.8.4.001

АННОТАЦИЯ В XXI в. во многих странах патристика как предмет изучения в университетской среде и богословских школах находится в кризисе. Стремительно растущий секуляризм в западном мире, агрессивное влияние различных бизнес-ориентированных образовательных моделей, глубокое недоверие к институциональным формам религии в связи с общенациональными скандалами, связанными с сексуальным насилием, фундаменталистские движения – это лишь некоторые социальные и политические факторы, которые в совокупности оказывают негативное влияние на ситуацию. В данной статье я стремлюсь показать, что на самом деле эти же самые факторы предоставляют нам возможность для формирования живого отклика в этой области богословской науки, особенно на фоне возможности продемонстрировать актуальность и жизнеспособность патристики для различных структур, общества в целом, университетской и образовательной среды. Представленные в статье примеры основаны на личном опыте, начиная с момента моего избрания на должность заместителя декана по научной работе в небольшом и переживающем не самые лучшие времена богословском колледже, где многие из обозначенных проблем очень хорошо заметны, словно бы в микрокосмосе. Этот опыт позволил понять, что мое становление как академического исследователя в области патристики позволяет реагировать на эти вызовы времени неожиданно плодотворным образом. Известный патролог Элизабет Кларк в 90-е годы XX в. убедительно выступала за приоритет церковной истории, а не теологии в области изучения патристики, а я предлагаю новые направления в качестве ответов на те вызовы постмодернизма, с которыми нам приходится сталкиваться. Подобное видение проблемы ставит вопрос о будущем патристики не только в Европе, Соединенном Королевстве и Северной Америке, но также в Азии и странах Глобального Юга.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: патрология, патристика, междисциплинарные исследования, постмодернизм, богословская наука

Статья поступила в редакцию 10.11.2025,
одобрена после рецензирования 20.11.2025,
принята к публикации 21.11.2025.

¹ Оригинал статьи: Mayer W. Patristics and Postmodernity: Bridging the Gap // Studia Patristica. 2021. Vol. 104. P. 9–32. Текст статьи публикуется с небольшими сокращениями.

ВВЕДЕНИЕ

B

этой статья, по сути, собраны мои размышления на заданную тему. И в ней описан взгляд на ситуацию преимущественно в Австралии, я все же надеюсь, что мои размышления найдут отклик у многих читателей во всем мире². В статье одинаково освещены темы возможностей и вызовов. Главная проблема вовсе не в том, что патристика как научная дисциплина находится в упадке, вовсе нет. Когда я впервые приняла участие в международной патристической конференции в 1995 г. в качестве аспиранта, в ней участвовало 700 человек. В 2019 г., даже несмотря на то, что многие ученые не смогли принять участие из-за переноса даты и высоких расходов, количество участников практически удвоилось — их было уже 1200. Североамериканское общество патристики (NAPS — The North American Patristics Society) также демонстрирует устойчивый рост количества своих членов — их в настоящее время более 300,— а его ежегодные собрания также постоянно расширяют свою аудиторию³. Похожие тенденции засвидетельствованы среди ученых в Европе, Скандинавских странах, Великобритании, ЮАР, Японии и Южной Америке. С 1995 г. к изучению патристики присоединилось значительное число светских

² Есть достаточно большое количество патристических исследований, на которые можно было бы сослаться в качестве иллюстрации к обсуждаемым в статье тенденциям, однако обращение к ним ограничено личными предпочтениями автора и его научными интересами, сфера которых обращена к Восточному Средиземноморью и связана преимущественно с научной жизнью в Австралии. По этой причине приводимые в библиографии работы не могут обладать исчерпывающим значением и в значительной степени призваны стимулировать у читателя процесс соотнесения с заявленной тематикой собственных узкоспециализированных научных интересов и особенностей локальной проблематики.

³ Общество основано в 1970 г., на первом собрании которого присутствовало 75 человек. См.: <http://www.patristics.org/about/history-and-pastpresidents/>. В начале 2000-х гг. количество программных сессий на проводимых обществом конференциях составляло в среднем 38, которые проводились в 4 залах одновременно. В 2018 г. общее количество программных сессий достигло 120, при этом 10 из них проводились одновременно. В последние годы в программу были добавлены предсессионные семинары по отдельным актуальным направлениям, таким как компьютерные исследования в области гуманитарных наук и рабочая группа по изучению религии, медицины, инвалидности и здоровья в поздней Античности.

исследователей, в том числе женщин. Когда я впервые приняла участие в конференции, большую часть выступающих с докладами составляли мужчины в священном сане или представители монашеских орденов. Сейчас же среди докладчиков все больше встречается как молодых, так и опытных исследователей, которые представляют не только духовные учебные заведения или теологические факультеты, но в большинстве своем являются действующими сотрудниками светских университетов. Как замечает патролог Кэн Парри в предисловии к справочному изданию *Wiley Blackwell Companion to Patristics*, отчасти это связано с тем, что за последнее время под влиянием изучения поздней Античности определение патристики расширило свои содержательные рамки⁴. Если прежде патристика определялась в более узком значении, как изучение богословских сочинений латинских и греческих отцов Церкви доникейского, никейского и посленикейского периода, наряду с изучением ересей и церковных соборов⁵, то теперь она стала включать в себя, среди прочего,

⁴ См.: *The Wiley Blackwell Companion to patristics* / Ed.K. Parry. Oxford, 2015. P. 3–11.

⁵ Наглядный пример подобного подхода см.: *McGuckin J.A. The Westminster Handbook to patristic Theology*. Louisville (KY), 2004. P. 252–253; похожим образом область исследования патрологии определяется в классическом труде Й. Квастена: *Quasten J. Patrology*. Vol. 1–3. Utrecht, 1949–1959; Vol. 4 / Ed.A. Di Berardino. Westminster (MD), 1986; Vol. 5 / Ed.A. Di Berardino. Genova, 1996; Vol. 6. Cambridge, 2006. Для западной науки стало характерным определение хронологических границ патристической эпохи от апостольского периода до начала VIII в. О влиянии, которое оказало на науку XX в. присущее Реформации представление о том, что первые пять веков христианской эры составляли золотой век святоотеческой письменности см: *The Wiley Blackwell Companion to patristics*. P. 7. Противоположный пример из мира греческого православия, где временной период для патристики охватывает эпоху падения Византийской империи, см.: *Panagiotes K. Ch. Greek Orthodox Patrology: An Introduction to the Study of the Church Fathers*. Rollinsford (NH), 2005; это сочинение является введением к пятитомному классическому труду Панайотиса: Ελληνική Πατρολογία. Θεσσαλονίκη, 1985–1992; о значении и месте этого труда в истории изучения святоотеческой письменности см.: *The Wiley Blackwell Companion to patristics*. P. 51–67. Ценные замечания относительно истории становления патристики как научной дисциплины в Европе и ее постепенного выделения из области систематического богословия см.: *Markschies Ch. Patristics and Theology: From Concordance and Conflict to Competition and Collaboration? // Patristics Studies in the Twenty-First Century: Proceedings of an International Conference to Mark the 50th Anniversary of the International Association of Patristic Studies* / Ed.B. Bitton-Ashkelony, Th. de Bruyn, C. Harrison. Turnhout, 2015. P. 367–375.

и другие аспекты: больше сочинений на разных языках, материальные, изобразительные, эпиграфические, папирологические и документальные свидетельства, а также и жанры, которые прежде считались малозначительными или вообще игнорировались — например, эпистолярный жанр, агиография, гимнография и гомилетика. Временной период также расширился и стал включать изучение более позднего византийского богословия⁶. Кроме того, теперь широкую известность приобрели труды и деяния малоизвестных проповедников, например Севериана Габальского, а также менее статусных клириков, аскетов или еретиков, неизвестных авторов, в том числе и псевдоэпиграфических, которые ранее «прозябали» в тени великих православных епископов, например, блж. Августина или свт. Василия Великого⁷. С одной стороны, патрология как область богословской науки осталась прежней, но в то же время сделала существенный шаг вперед по сравнению с тем состоянием, в котором она пребывала двадцать пять лет назад.

⁶ Международные патристические конференции 2015 и 2019 гг. отражают эти изменения, поскольку в их программу были включены доклады по богословию средневизантийской эпохи.

⁷ Подобный интерес подкреплен, например, значительными финансовыми вложениями со стороны Берлинско-Бранденбургской академии наук в десятилетний проект (2022–2032 гг.) подготовки первого научного издания трудов Севериана Габальского: <http://www.bbaw.de/forschung/bibelexegese/projekte>. Со времен Реформации Севериан считался малозначимым второстепенным проповедником (по сравнению со знаменитым свт. Иоанном Златоустом), однако в настоящее время его труды неожиданно обрели ценность за их библейскую экзегезу и в качестве ранних свидетельств формирования византийского богослужения. Пример подобной тенденции см.: *Buchinger H. Festal Homilies and Festal Liturgies in Antioch and Constantinople: Innovation and Convention in John Chrysostom and Severian of Gabala, with Particular Attention to their Epiphany Sermons // John Chrysostom and Severian of Gabala: Homilists, Exegetes and Theologians / Ed.J. Leemans, G. Roskam, J. Segers. Leuven, 2019. P. 65–86.* По поводу возросшего интереса к псевдоэпиграфическим и неподлинным сочинениям: *Mayer W. A Life of Their Own: Preaching, Radicalisation, and the Early Ps-Chrysostomica in Greek and Latin // Philologie, herméneutique et histoire des textes entre orient et occident: Mélanges en hommage à S.J. Voicu / Ed. Fr.P. Barone, C. Macé, P. Ubierna. Turnhout, 2017. P. 977–1004;* и к латинской литературе еретического происхождения — *Shaw B. Sacred Violence: African Christians and Sectarian Hatred in the Age of Augustine. Cambridge, 2011.*

ВЫЗОВЫ

H

едавние размышления ученых-бibleистов в рамках исследований «Общества библейской литературы» (Society of Biblical Literature) свидетельствуют о том, что их область исследований находится под угрозой постпостмодернистского мира⁸. Похоже, по мере приближения третьей декады XXI в. наступил подходящий момент сделать передышку, чтобы задуматься: а может, эта ситуация имеет также отношение и к патристике? Специалист по раннему христианству, австралийская ученая Паулин Аллен, которая в 2003–2007 гг. была президентом «Межнациональной ассоциации по патристическим исследованиям» (Association Internationale d’Études Patristique / International Association of Patristic Studies), на протяжении последних двух десятилетий разделяла убеждение о том, что патристика, будучи переосмыслена как дисциплина по изучению раннего христианства, является непосредственной преемницей библейских новозаветных исследований: эти два направления оказываются смежными дисциплинами. Подобный взгляд на размытие границ некогда обособленных областей П. Аллен разделяла на всем протяжении своего руководства бывшим «Центром исследований раннего христианства» (CECS — Centre for Early Christian Studies) при Австралийском католическом университете, а также являясь соучредителем вместе с Шинро Като основанного в 2004 г. «Азиатско-тихоокеанского общества раннехристианских исследований»

⁸ Данные о вакансиях в SBL за 2017–2018 гг. (<https://www.sbl-site.org/assets/pdfs/JobsReportAy18.pdf>) хотя и демонстрируют относительную стабильность по сравнению с предыдущими тремя годами, тем не менее свидетельствуют о заметном снижении вакантных должностей в области библейских исследований и смежных дисциплин по сравнению с пиком значений, пришедшими на 2006–2008 гг. В 2018 г. это общество приступило к реализации программы «Будущее библейских исследований в рамках инициативы по бакалавриату в гуманитарном образовании» (<https://www.sbl-site.org/careercenter/advocacy.aspx>) с целью «активно поддерживать гуманитарные науки на институциональном уровне», из чего следует, что в США подобные тенденции рассматриваются как проблемы общегуманитарного свойства и не ограничены только библейскими исследованиями.

(APECSS — Asia-Pacific Early Christian Studies Society)⁹. Для проводимых под эгидой APECSS конференций с самого начала были характерны тенденции по сближению изучение Нового Завета с более масштабными исследованиями христианской литературы и раннехристианского общества I—VIII вв. Плоды такого подхода мы можем наблюдать на ежегодных собраниях SBL, где, согласно регламенту, все больше секций стали включать доклады о поздней Античности и патристике¹⁰. Аналогичная тенденция характерна и для ЮАР, в которой «Общество новозаветных исследований» (Society for New Testament Studies) включает в сферу своих интересов патристику, а проведенный в 2018 г. в Претории коллоквиум по классической филологии включал в себя доклады, темы которых охватывали период от классических Афин до конца эпохи поздней Античности¹¹. Примечательно, что в то же самое время специалист по раннехристианской литературе, доктор

⁹ Изначально оно называлось Патристическим обществом западно-тихоокеанского региона. Его первая официальная конференция состоялась в 2004 г. в Токио (<https://apecss.wixsite.com/apecss/about>, accessed 27 Dec 2019), его основание восходит к 1996 г., когда в Мельбурне прошла первая конференция «Молитва и духовность» под эгидой CECS, который после 2016 г. стал исследовательским центром Австралийского католического университета.

¹⁰ Исследования Нового Завета с самого начала включали в себя изучение раннего христианства в качестве смежной дисциплины. Тем не менее незадолго до окончания XX в. раннехристианские исследования ограничивались первыми тремя столетиями, до эпохи имп. Константина Великого. Помимо влияния поздней Античности, изучение Корана и исследования по интерпретации Библии также расширяют хронологические рамки до более поздних столетий. Примером этому может служить сравнительно новый раздел программы «Библейский экзегезис с точки зрения Восточного Православия». В программе 2019 г. девять разделов посвящены изучению Корана, а четыре прямо соотносятся с периодом поздней Античности. «Здравоохранение и инвалидность в Древнем Мире» является еще одним разделом программы, который в последние годы расширил свои хронологические рамки. Такой тематический раздел в программе 2019 г., как «Еврейские, христианские и греко-римские путешествия в эллинистический, римский и ранневизантийский период (300 до н.э.— 600 после н.э.)», был бы немыслим еще два десятилетия назад.

¹¹ 19-й коллоквиум по классической филологии «Память и забвение в античном мире с VII в. до Р.Х. до VII в. по Р.Х.», который был проведен под руководством Мартина де Марре и Криса де Вета, хотя и отличался, по общему мнению, неожиданно широкими хронологическими рамками, но в то же время свидетельствовал о все большей открытости к объединению ранее отдельных исторических периодов и дисциплин.

филологии Оксфордского университета Тереза Морган в своих работах внесла существенный вклад в стирание границ между исследованиями в области Нового Завета и классической филологии¹². Подобным образом ученая-византолог Аврил Кэмерон последовательно и весьма успешно объединяет изучение поздней Античности и Византии, с одной стороны, и поздней Античности и ислама — с другой¹³. Среди многих предпринятых этой ученой изменений в научной парадигме, о которой мы ведем речь, выделим попытку исправить некое пренебрежение, которое сложилось в области византистики по отношению к исследованию византийского богословия и другой религиозной литературы¹⁴. Другая ученая-византолог Клаудия Рапп также здесь сыграла важную роль¹⁵. Далее в статье мы рассмотрим еще раз эти тенденции и их последствия для возросшей значимости патристики по отношению к проблемам XXI в. Пока же в качестве свидетельства расширения этих временных рамок я хотела бы всего лишь отметить наличие в программе Международной патристической конференции 2019 г. сессий, посвященных Новому Завету, а также византийскому богословию.

Однако, возвращаясь к вопросу о взаимосвязанности судьбы патристики и библейских исследований, следует направить

¹² О том, какого успеха она добилась, говорит ее приглашение выступить с основным докладом на 40-й ежегодной конференции Австралийского общества классических исследований в Университете Новой Англии 4–7 февраля 2019 г. Это общество только недавно стало включать в свои программы изучение христианской письменности. Ее доклад «Божественное могущество: благочестие, вера, и спасение в храмах и церквях Римской империи» происходит из ее многотомного исследовательского проекта о *pistis* и *fides* в 2018–2022 гг.

¹³ Ее размышления по теме вместе с библиографией см.: Cameron A. Patristic Studies and the Emergence of Islam // Patristics Studies in the Twenty-First Century: Proceedings of an international conference to mark the 50th anniversary of the International Association of Patristic Studies / Ed. B. Bitton-Ashkelony et al. Turnhout, 2015. P. 249–278.

¹⁴ См., например: Cameron A. Byzantine Christianity: A Very Brief History. London, 2018; а также ее рассуждения: Eadem. Byzantine Matters. Princeton (NJ), 2014, Dialoguing in Late Antiquity. Washington (DC), 2014, The Cost of Orthodoxy // Church History and Religious Culture. 2013. N 93 / 3. P. 339–361.

¹⁵ См. проект по изучению византийских Евхологиев при Австрийской академии наук в Вене под руководством К. Рапп: <https://www.oewa.ac.at/en/imafo/research/byzantine-research/communities-and-landscapes/euchologia-project>.

наше внимание к рассмотрению отдельных соображений исследователей по поводу будущего библейских исследований. Марк Бретт, главный редактор «Журнала библейской литературы» (*Journal of Biblical Literature*), в одной из своих последних статей утверждал, что библейские исследования, по крайней мере в Австралии, «переживают новый кризис легитимности» и «настало время для подведения итогов и стратегических размышлений относительно будущего»¹⁶. Бретт известен своей критикой идеологических установок прежнего библейского критицизма за распространение постколониальных подходов, а также поддержкой локальных богословских мнений¹⁷. Для тех из нас, кто строит академическую карьеру в западных университетах, теологических факультетах или духовных школах, где изучение гуманитарных дисциплин, а уж тем более церковной истории или истории теологии находится под угрозой, а также в западных странах, где посещаемость церквей стремительно уменьшается,— патрология как дисциплина едва заметна в поле зрения университетского правления, правительства или общества. И если во время полета в самолете ты решил рассказать своему случайному соседу о том, что занимаешься патристикой, надо быть готовым услышать в ответ много интересного!

В некотором смысле патристика всегда страдала от кризиса легитимности за пределами определенных конфессиональных кругов. Например, даже в моем Австралийском богословском университете, который объединяет ряд колледжей, она находится глубоко в тени систематического, библейского и практического богословия¹⁸. Редким исключением из этого правила в рамках университетской структуры является Коптский православный колледж имени свт. Афанасия

¹⁶ Brett M.G. Past and Future of biblical studies in Australia // Australian Biblical Review. 2019. Vol. 67. P. 85–86.

¹⁷ Brett M.G. *Locations of God: Political Theology in the Hebrew Bible*. Oxford, 2019, *Political Trauma and Healing: Biblical Ethics for a Postcolonial World*. Grand Rapids (MI), 2016, *Decolonizing God: The Bible in the Tides of Empire*. Sheffield, 2008, *Genesis: Procreation and the Politics of Identity*. London, 2000, *Biblical Criticism in Crisis? The Impact of the Canonical Approach on Old Testament Studies*. Cambridge, 1991.

¹⁸ Среди дисциплин, предлагаемых университетом, патристика не упомянута (<https://divinity.edu.au/study/courses/>). Разделы, посвященные изучению патристики, обычно проходят по направлениям гуманитарных дисциплин или христианской мысли и истории.

(SAC)¹⁹. Лишь два австралийских университета действительно поощряют заинтересованность в изучении патристики: Австралийский католический университет, который имеет традиционный конфессиональный интерес к этой дисциплине²⁰, и Университет Маккуори (Сидней), где, несмотря на светский характер, сохраняется преемственность в преподавании этой дисциплины специалистом по истории раннего христианства Эдвина Джаджа, главы второй кафедры истории и основателя Центра по исследованию источников античной истории (AHDRC — Ancient History Documentary Research Centre)²¹. Следует отметить, что несмотря на светский характер преподавания в Университете Маккуори, англиканская община Сиднея является важной средой для формирования убеждений Джаджа. Зародившееся в 80-х годах XX в. научное движение по изучению христианства в его историческом контексте с акцентом на свидетельствах папирусов и эпиграфики доконстантиновской эпохи²² впоследствии расширилось за счет изучения коптских и других восточных языков, литературы и религии поздней Античности, включая патристику и византологию²³. Таким образом, учащийся, заинтересованный в изучении христианства,

¹⁹ См., например, список предметов, который преподает старший преподаватель колледжа Лиза Агаби <https://sac.edu.au/personnel/dr-lisa-agaiby/>. Профессор патрологии прот. Иоанн Бэр, декан Свято-Владимирской православной семинарии (Нью-Йорк), периодически преподает связанные с патристикой дисциплины в SAC в качестве внештатного преподавателя. Профессор Австралийского католического университета Йусеф Йуханна Нессим (Youhanna Nessim Youssef) также вносит свой вклад в научные публикации в области патристики, осуществляемые в рамках деятельности SAC.

²⁰ Следует отметить, что с учетом благоприятных условий в Австралийском католическом университете исторически отдавалось предпочтение исследованиям в области патристики, нежели обучению в рамках бакалавриата. О текущих обширных исследовательских программах и сотрудниках см.: <https://www.acu.edu.au/research/our-research-institutes/institute-for-religion-and-critical-inquiry/ourprograms/biblical-and-early-christian-studies>.

²¹ См. его биографию: <http://therha.com.au/edwin-judge/>.

²² Примером подобного исследовательского приоритета служит многотомное издание исследовательской серии источников по раннему христианству, продолжающееся и по настоящее время: *New Documents Illustrating Early Christianity: A Review of the Greek Inscriptions and Papyri Published in 1976–1992*. Vol. 1–10 / Ed. G. H. R. Horsley et al. [North Ryde, N.S.W.]; Grand Rapids, 1981–2012.

²³ См.: <https://www.mq.edu.au/research/phd-and-research-degrees/areas-of-research/history-and-archaeology>.

может взаимодействовать с его материальной, документальной и письменной культурой практически любого периода первого тысячелетия в широком географическом и филологическом диапазоне. Именно потому, что изучение патристики носило подчеркнуто стратегический характер, оно и стало единственным в этих случаях, — по сути захватив рынок аспирантских услуг в Австралии, будучи в состоянии продемонстрировать университетскому сообществу, что исследования в этой области в том случае, когда они строго не детерминированы идеологией, являются экономически оправданными и жизнеспособными. Тем не менее эти примеры немногочисленны в Австралии, ведь большая часть тех из нас, кто связан с этой областью, просто занимаются любимым делом, почти не вызывая интереса и не имея поддержки от наших образовательных учреждений²⁴.

Безусловно, нельзя утверждать, что сама необходимость для патристики защищать свою легитимность как науки оказалась новым вызовом. Новое в нынешней ситуации скорее — упадок религиозных институтов (семинарий и других духовных учебных заведений, теологических факультетов и монашеских орденов) во всем западном мире. А именно они традиционно поддерживали эту область знания. Сама ситуация, когда патристика, будучи дисциплиной в рамках изучения поздней Античности, распространилась за пределы религиозных институтов в светских университетах, оказывает этой области науки некоторую защиту, при этом привнося и сложности. Во многих странах высшее образование больше не считается основным правом, университеты становятся прибыльным бизнесом, а студенты уже давно учатся не чтобы стать гармонично развитыми гражданами, но исключительно ради трудоустройства. Там не так просто доказать, почему патристика, по крайней мере именно как богословская, а не историческая дисциплина, должна занять свое место в учебной программе. Все чаще студенты задаются вопросом, зачем им тратить свое время и деньги на изучение древних языков, необходимых для получения высшего образования: что все это дает прежде

²⁴ Представленный анализ отличается от мнения профессора кафедры античной истории университета Маккуори Бронвены Нил: *Neil B. Patristics in Australia: Current Status and Future Potential // Patristics Studies in the Twenty-First Century*. P. 145–161.

всего им, а не обществу или Церкви? В странах, где ценится бесплатное образование и гуманитарные науки, — в Финляндии, Германии или Франции — по-прежнему поддерживается изучение необходимой языковой базы и истории, наряду с традиционными фундаментальными изысканиями в области патристики, например с изданиями текстов²⁵, но даже и они также подвергаются все возрастающему давлению. Также в качестве пищи для размышлений можно упомянуть растущую угрозу академическим должностям и возросшую нестабильность занятости, которая, иначе говоря, рассматривается прежде всего как гибкость в работе и адаптивность к новой глобальной экономике. В этой связи можно было бы спросить, а не являются ли кризисные ситуации, с которыми патристика сталкивается в XXI в., главным образом связаны с проблематикой сохранения стабильности и качества? Достигли ли мы в некотором роде вершины, вслед за которой число ученых, занятых в этой области, наряду с качеством самого образования, будет неуклонно снижаться в будущем? Именно это и есть реальные вызовы, которые нельзя игнорировать. Вместо того чтобы погружаться в проблематику этих широко обсуждаемых трудностей и тенденций, в этой статье я намереваюсь показать, каким образом эти вызовы, порожденные «менталитетом» (*mentalité*) или «духом времени» (*Zeitgeist*) XXI в. и сопутствующими им социо-политическим реалиям, а именно постпостмодернизмом, открывают замечательные возможности. В этой связи оставшаяся часть этой статьи будет посвящена вопросу социальной значимости и общественной полезности патристики, особенно в тех сферах, где она может обладать или фактически уже обладает правом голоса. Безусловно, патристика имеет отношение прежде всего к отдаленному прошлому, но, как я постараюсь показать, она может многое сказать и по поводу настоящего момента и обладает потенциальной возможностью, чтобы предоставить материал для публичных дискуссий по поводу неожиданно широкого спектра как глобальных, так и локальных опасений и тревог.

²⁵ См.: *Wallraff M.* Whose Fathers? An Overview of Patristic Studies in Europe // *Ibid.* P. 57–72.

ВОЗМОЖНОСТИ

B

контексте аргументов, которые будут предложены ниже, важно обратить особое внимание на то обстоятельство, что мое рабочее определение патристики само по себе является постмодернистским²⁶. Я использую этот термин в расширенном смысле, чтобы охватить изучение христианского учения с разных точек зрения, в том числе различными способами и средствами, параллельно разным регионам и эпохам — от первых последователей Иисуса Христа и заканчивая периодом, который охватывает время позже возникновения ислама²⁷.

²⁶ Рассмотрение соотношения между модернизмом и постмодернизмом зависит от контекста научной дисциплины, в рамках которой проводится это сравнение. По сути, постмодернизм возникает как термин в среде теоретиков культуры. См.: *Palmer D. Explainer: What is Postmodernism? // The Conversation. 2 Jan 2014 (<http://theconversation.com/explainer-what-ispostmodernism-20791>).* Весьма полезной для оценки этой взаимосвязи применительно к христианству как религии является работа: *Kallenberg B.J., Smith E. Modernism and Postmodernisms // Global Dictionary of Theology / Ed. W.A. Dyrness, V.-M. Karkkainen. Downers Grove (IN), 2008. P. 568–574*, написанная с точки зрения римского католицизма. В качестве рабочего определения я использую методологию эвристического подхода, основанного на выявлении наиболее «часто обсуждаемых» контрастирующих тенденций, наглядно представленных в виде таблицы: *Irvine M. Postmodern to Post-Postmodern (<http://www.cherriporter.com/301/The%20Modern%20and%20the%20Postmodern.pdf>).*

В этой работе Мартин Ирвин отмечает, что образ модернизма, против которого выступает постмодернизм или который он деконструирует, сам является постмодернистской конструкцией. Ни одна из современных постмодернистских тенденций, описываемых Ирвином, не носит абсолютный характер. Для нашего обсуждения также важно, что приставка «пост-» в слове «постмодернизм» может означать либо «против», либо «после» модернизма: в одном случае понятие «постмодернизм» рассматривается в смысле противопоставления, в другом — как последовательность. Его также можно использовать в качестве отсылки к «позднему капитализму», для которого характерно размытие идентичностей (национальных, языковых, этнических и культурных), порожденное транснационализацией и глобализацией.

²⁷ В этом смысле патристика, понимаемая как транснациональная, децентрализованная, локальная, плюралистическая, контингентная (зависящая от определенных обстоятельств) дисциплина, — очевидно, испытывает влияние постмодернистских тенденций, перечисленных Ирвином: неприятие метанarrативов в истории и культуре; стремление к локальным и контингентным теориям; социальный и культурный плюрализм; скептическое отношение к идеям прогресса; потеря централизованного контроля, внимание к игре реляционных и горизонтальных различий / дифференциаций (поверхностные тропы); гиперреальность как более мощный, чем «реальный» /

Такое представление о патристике отличается от прежних определений этой дисциплины, и прежде всего от ее понимания как предмета, изучающего богословие великих отцов Церкви или богословие Вселенских соборов как ключевых моментов в установлении ортодоксального вероучения²⁸. Эти определения были сформированы и адаптированы в соответствии с представлениями модернизма²⁹. Также важно пояснить, что различие между постмодернизмом и постпостмодернизмом относится к дискуссионным вопросам, которые я стараюсь избегать³⁰. И хотя мы можем долго спорить о том,

непосредственный опыт; нарушение господства высокой культуры, фрагментированное, частично распределенное знание; коллективные стандарты медиа; преодоление физических ограничений печатных и интернет-СМИ как расширяемая, децентрализованная, взаимосвязанная информационная система и др.

²⁸ См. выше, примечание 5.

²⁹ Ирвин перечисляет основные тенденции модернизма следующим образом: господствующие исторические нарративы; вера в «глобальную теорию» или всеобъемлющие объяснения); вера в мифы о социальном единстве; господствующие нарративы о прогрессе науки и техники; чувство единого / самодостаточного «я» (индивидуализм); идея «семьи» как центральной ячейки социального порядка; вера / инвестиции в большую политику; высокая или низкая / популярная культура (высокая культура как нормативная и авторитетная); овладение знаниями (стремление к междисциплинарной гармонии); централизованное знание и авторитет; книга как достаточный носитель слова/библиотека как полная и тотальная система печатных знаний; осознание четких видовых границ и целостности; четкая дихотомия между органическим и неорганическим (человек и машина) и др.

³⁰ В интернете разворачивается серьезная дискуссия. Так, например, Кайл Робертс в своей статье *We are Witnessing the End of Postmodernism and the Beginning of Post-Postmodernism* от 25 июля 2016 г. подходит к этой теме, исходя из перспективы христианской социально-нравственной парадигмы, утверждая, что постмодернизм — это период смирения и терпимости к различиям, который сейчас сметается обостренным национализмом и враждебным трибализмом («постпостмодернизм — это трибализм до предела и без церемоний»): <https://www.path eos.com/blogs/unsystematictheology/2016/07/we-are-witnessing-the-end-of-postmodernism-and-the-beginning-of-post-postmodernism/>. Культуролог и историк литературы Элисон Гибонс в статье *Postmodernism is Dead: What Comes Next?* на медийном портале *Times Literary Supplement* соглашается с тем, что общество и культура находятся в состоянии постоянных изменений, но не столь категорична в вопросе о том, мертв ли постмодернизм сам по себе и в какой степени постпостмодернизм расширяет или отвергает постмодернистские ценности: <https://www.the-tls.co.uk/articles/postmodernism-dead-comes-next/>. Мэтт Макманус в статье *Post-Postmodernism on the Left* на медийном портале *Quillette* от 13 июня 2018 г., будучи правозащитником, рассматривает с политико-философской точки

жив или мертв постмодернизм и в чем именно состоят отличительные особенности постпостмодернизма, более важное значение для наших рассуждений имеет характеристика социальной и личностной тревоги, которая формируется под влиянием современного менталитета. В этом контексте я буду строить свои рассуждения преимущественно на основании опыта жизни в Австралии и исходя из задач, возникших в моем профессиональном окружении.

В Австралии, как и во всех странах западного мира, к институциональной религии относятся с большим подозрением. Молодое поколение отвергает ее по причине несоответствия тому способу, с помощью которого она взаимодействует с окружающим миром. Упоминают и случаи, когда официальная религия нанесла вред, как в ситуациях сексуального насилия над детьми со стороны духовенства³¹ или когда ей не удалось продуктивно построить диалог в вопросах изменения климата или взаимоотношения полов. В то время как в США ведется большое число дискуссий относительно конфессионально «безрелигиозных»³² христиан, в Австралии и ЮАР в подобных исследованиях обнаруживается больше нюансов. Все сказанное не означает, конечно, что молодые люди не испытывают интерес к религиозным переживаниям, традициям или убеждениям, но скорее говорит о том, что они считают себя «духовными», но

зрения направления, по которым развивается постпостмодернистская теория:
<https://quillette.com/2018/06/13/post-postmodernism-on-the-left/>.

³¹ В отчете Королевской комиссии по изучению реакции институциональных ответных мер на сексуальное насилие над детьми (2013–2017 гг.) раскрываются тысячи случаев сексуального насилия в различных учреждениях, связанных с христианством в Австралии. Упомянуты не только традиционные культовые формы, но также и офисы YMCA, скаутов, спортивные и танцевальные клубы, а также учебные заведения министерства обороны (<https://www.childabuseroyalcommission.gov.au/religious-institutions>). Одним из результатов деятельности комиссии стало осуждение в 2019 г. высокопоставленного католика Австралии, кардинала Джорджа Пелла.

³² Согласно подробному отчету Исследовательского центра Пью от 17 октября 2019 г. о происходящем стремительном упадке христианства в США, 40% миллениалов не относят себя ни к одной конфессии: <https://www.pewresearch.org/religion/2019/10/17/in-u-s-decline-of-christianity-continues-at-rapid-pace/>.

не религиозными»³³. Ситуация перекликается с австралийским законом об уходе за пожилыми людьми, в котором духовное благополучие названо важным элементом попечения о престарелых³⁴, при этом как правительство, так и церковь уделяют этому аспекту очень мало внимания. Наша молодежь также всерьез обеспокоена влиянием и последствиями присущего этому миру антропоцентричного взгляда на окружающую среду. В Австралии политики, которые не смогли найти консенсус по поводу сокращения выбросов парниковых газов, поддержали двухпартийным составом законопроект, запрещающий экспорт вторсырья, на основании того, что их собственные десятилетние дети говорили им, как сильно они обеспокоены воздействием пластика на жизнь морских обитателей³⁵. Детская обеспокоенность, нашедшая выражение в школьных забастовках в поддержку движения по борьбе с изменениями климата, представляет собой весьма широко распространенное явление³⁶. Между тем, как ни странно, существует и глубокая общественная обеспокоенность относительно нелегальной иммиграции, хотя Австралия во многих отношениях лишь в малой степени была затронута войнами на других континентах и вызванной ими массовой миграцией³⁷. Еще одна серьезная проблема —

³³ Согласно результатам проекта Австралийского исследовательского совета при правительстве Австралии по исследованию религиозности, среди молодежи было выявлено несколько типов «духовности» среди поколения «зумеров»: 26% австралийских подростков определяют себя как «духовные, но не религиозные (не принадлежат к какой-либо конфессии)», либо считают себя духовными «искателями». 38% назвали себя просто «нерелигиозными», они либо больше «верят в науку», либо им «безразлично». 37% считают себя в той или иной степени религиозными: <https://theconversation.com/new-research-shows-australian-teens-have-complex-views-on-religion-and-spirituality-103233>.

³⁴ См. ниже примеч. 44.

³⁵ Речь идет о дочери премьер-министра лейбористской партии Западной Австралии Марка Макгоуэна, который высказался о возможности того, что 10-летние дети скоро станут следующим поколением избирателей: <https://www.afr.com/politics/federal/scomo-enlists-the-states-in-the-war-on-waste-20190809-p52fk5>.

³⁶ Достаточно вспомнить, что журнал Time в 2019 г. номинировал на премию «Человек года» Грету Тунберг: <https://time.com/person-of-the-year2019-greta-thunberg/>.

³⁷ Прибытие на лодках к берегам Австралии беженцев, приведшее к созданию Австралийских пограничных сил и проведению операции «Суверенные границы», стало спорным вопросом в австралийской политике на протяжении последних четырех десятилетий. См.: <https://cmsny.org/immigration-control-beyond-australias-border/>.

гиперсексуализация детей в интернете и чувство отчужденности у детей в результате постоянной погруженности их родителей в социальные сети³⁸. Стремительный рост хронических заболеваний, ухудшение физического и психического здоровья в эпоху изобилия также вызывают беспокойство. Терроризм и религиозно-мотивированное насилие редки в Австралии, но доводы в пользу урезания гражданских прав для религиозных радикалов имеют большой вес, а страх террористических актов подпитывается политиками³⁹. При этом, к сожалению, гибель в результате семейного насилия является более вероятной в нынешних реалиях⁴⁰. Сфера технологий разрушает традиционные трудовые модели, приводя к большой нестабильности в трудовой деятельности. Стремительно возрастает гендерный разрыв в оплате труда. Дети и подростки все больше сосредоточены на себе, их самооценка подчинена социальному медиа. Истина для подростков и молодых людей, как и для более широких слоев населения, не является чем-то абсолютным, скорее носит относительный характер. Для нас стало привычным выражение

³⁸ В 2016 г. в Brisbane Courier Mail была опубликована серия статей о «токсичном» влиянии сексуализированной переписки и интернет-порно на сексуальное поведение подростков: <https://www.couriermail.com.au/rendezview/porn-crackdown-its-not-an-invasion-of-privacy-its-parenting/newsstory/400c0a3b612a7fab9445fa1dd7f14d22>. Тема пагубного влияния социальных сетей на воспитание детей рассмотрена в других статьях (<https://www.theage.com.au/national/victoria/digitally-distracted-parenting-a-modern-day-hang-up-20191024-p533rt.html>) и является предметом исследований, см.: *McDaniel B. T. Parent Distraction with Phones, Reasons for Use, and Impacts on Parenting and Child Outcomes: A Review of the Emerging Research* // *Human Behavior and Emerging Technologies*. 2019. N 1/2. P. 72–80.

³⁹ 24 июля 2019 г. правительство Австралии приняло законопроект о борьбе с терроризмом, ограничивающий право пребывания в стране на срок до двух лет для подозрительных лиц, в результате чего под его действие парадоксальным образом попали женщины и дети, не участвующие в боевых действиях и содержащиеся в лагерях беженцев из Сирии: <https://theconversation.com/australia-has-enacted-82-anti-terror-laws since-2001-but-tough-laws-alone-cant-eliminate-terrorism-123521>.

⁴⁰ Согласно статистике Австралийского института здравоохранения и социального обеспечения, от рук своей второй половины погибает каждые девять дней одна женщина, каждые двадцать девять дней — один мужчина: <https://www.aihw.gov.au/getmedia/b0037b2d-a651-4abf9f7b-00a85e3de528/aihw-fdv3-FDSV-in-Australia-2019.pdf.aspx?inline=true>.

«фейковые новости»⁴¹, а термин «правдоподобность» целиком определяет нынешнее мировоззрение⁴². Я намеренно делаю акцент на социальных последствиях и на общественных страхах, поскольку, на мой взгляд, именно в этих аспектах жизни XXI в. патристика может наиболее эффективно преодолеть разрыв между прошлым и будущим, продемонстрировав свою актуальность.

Моя уверенность объясняется тем, что несмотря на наступление цифровой эпохи, существуют важные параллели между XXI в. и проблемами патристического времени. Подобные знаковые пересечения существуют на двух уровнях: во-первых, обе эпохи это периоды турбулентности, неопределенности, сопровождаемые переходными процессами в геополитических, социокультурных и религиозных сферах. Для обоих временных периодов характерны изменения климата, массовая миграция, войны, природные катаклизмы, религиозные конфликты, а также разрушение или эволюционирование экономики наряду с системой здравоохранения⁴³. Обе эпохи объединяют характерные черты, имеющие отношение к социальным страхам и стрессовым факторам. Во-вторых, те способы, с помощью которых философы-медики, врачи патристической эпохи и нейробиологи XXI в. обращаются с человеческой личностью, основываются на явно схожих антропологических представлениях. Медицинско-философские доктрины, известные вплоть до эпохи поздней Античности, затрагивающие проблематику симпатической связи между разумом / душой и телом, сегодня все больше подтверждаются когнитивными и нейробиологическими исследованиями

⁴¹ Полезное объяснение возникновения и функционирования «фальшивых новостей» см. в статье, созданной в рамках совместного проекта аспирантов Центра информационных технологий и общества Калифорнийского университета в Санта-Барбаре: <https://www.cits.ucsb.edu/fake-news>.

⁴² См.: *Shepherd T. In the Dark: When «truthiness» Eclipses the Truth* // Griffith Review. 2017. Vol. 55. P. 54–62.

⁴³ В настоящее время значительное внимание уделяется изучению этих факторов в поздней Античности и их современному значению. См. напр.: *Mordechai L., Pickett J. Earthquakes as the Quintessential SCE: Methodology and Societal Resilience* // Human Ecology. 2018. DOI:10.1007/s10745-018-9985-y.

человеческого мозга⁴⁴. В настоящее время духовный аспект, по крайней мере для стареющих людей в Австралии, признается важной чертой человеческого благополучия в системе здравоохранения⁴⁵. Если в результате картезианского дуализма в эпоху Просвещения основной акцент делался на приоритет человеческого разума в ходе мыслительного процесса, то патристическая и постмодернистская эпохи оказываются согласны в своем понимании влияния эмоций (*τὰ πάθη*) на процесс принятия решений. Если мы в дальнейшем признаем, что в последовательном процессе эволюции интеллект людей, живших в патристическую эпоху, в когнитивном плане был подобен современному,— иначе говоря, их мозг такой же, как и наш, то тогда вполне оправданно будет провести сравнение человеческого мышления и поведения людей в этих двух временных периодах. Да, существуют социальные и культурные различия⁴⁶, но важно понимать, что эти два временных периода сближают те аспекты познания, которые признаются универсальными, а не запрограммированными в культурном плане. Я привожу

⁴⁴ Об этой проблематике в контексте античного мира см., напр.: *Feder Y. Morality Without Gods? Retribution and the Foundations of the Moral Order in the Ancient Near East // Teaching Morality in Antiquity: Wisdom Texts, Oral Traditions, and Images / Ed. T.M. Oshima, S. Kohlhaas. Tübingen, 2018.* P. 253–264. С точки зрения современной биомедицины, симпатическая парадигма «разум — тело» приобретает все большее влияние в понимании и лечении травм, в первую очередь моральных, а также посттравматических стрессовых расстройств (ПТСР), см., напр.: *Bessel van der Kolk. The Body Keeps the Score: Brain, Mind and Body in the Healing of Trauma. New York, 2014.* P. 88. Показательным является и недавнее увеличение числа исследований в области контемплативной науки с особым акцентом на физиологические и психологические эффекты практики осознанности. См.: *Van Dan N.T. et al. Mind the Hype: A Critical Evaluation and Prescriptive Agenda for Research on Mindfulness and Meditation // Perspectives on Psychological Science. 2018. Vol. 13. P. 36–61.*

⁴⁵ В 2016 г. организация Meaningful Ageing Australia совместно с организацией Spiritual Health Victoria выпустила Национальное руководство по духовному уходу за пожилыми людьми (<https://meaningfulageing.org.au/wp-content/uploads/2016/08/National-Guidelines-for-SpiritualCare-in-Aged-Care-DIGITAL.pdf>), что привело к введению с 1 июля 2019 г. Министерством здравоохранения правительства Австралии национальных стандартов качества ухода за пожилыми людьми, согласно которым необходимость учитывать особенности духовных исканий каждого клиента носит обязательный характер.

⁴⁶ По этой теме см.: *Feder Y. Contamination Appraisals, Pollution Beliefs and the Role of Cultural Inheritance in Shaping Disease Avoidance Behavior // Cognitive Science. 2016. Vol. 40. 6. P. 1561–1585.*

подробные доводы в пользу этой идеи в отдельной главе в своей недавно опубликованной книге⁴⁷. Когда мы соотносим эту догадку и общие социальные стрессовые факторы, характерные для обоих периодов, доводы в пользу потенциальной схожести мышления и реакций становятся убедительнее.

Благодаря этим размышлениям мы можем начать осознавать ценность патристики в свете междисциплинарных подходов. Это близко к тем положениям, которые Бретт преподносит в качестве ключевой стратегии для библейских исследований в Австралии применительно к вопросу о восстановлении их легитимности и продвижения в будущем⁴⁸. По его мнению, междисциплинарное сотрудничество служит средством, повышающим осведомленность общественности о библейских исследованиях как дисциплине, которая может внести вклад в публичные дебаты по вопросам этики. В качестве ремарки стоит заметить, что для страны, которая заявляет о своем преимущественно секулярном и нерелигиозном характере, удивительно большое число австралийских современных политиков уделяет внимание христианским ценностям в приватных и публичных дебатах. По мысли Бретта, «вопросы этического характера» имеют отношение к общественному благополучию и общественным благам⁴⁹. Ученые, придерживающиеся постмодернистского взгляда на патристику, уже вполне успешно проводят междисциплинарные занятия, ориентированные на публичное и индивидуальное благосостояние, поэтому и нам следует рассматривать их стремления в качестве важной отправной точки и образца для подражания. Таким примером служит стремительно растущая международная рабочая группа по исследованиям религии, медицины, инвалидности и здоровья в поздней Античности, которая проводила семинары в рамках конференций 2015 и 2019 годов в Оксфорде и теперь регулярно организует научные секции для «Североамериканского общества патристики» (NAPS) и «Общества библейской

⁴⁷ Mayer W. Preaching Hatred? John Chrysostom, Neuroscience, and the Jews // Revisioning John Chrysostom: New Approaches, New Perspectives / Ed. De Wet C.L., Mayer W. Leiden, 2019. P. 58–136.

⁴⁸ Brett M.G. Past and Future of Biblical Studies in Australia. P. 93–94.

⁴⁹ Ibid. P. 90–93.

литературы» (SBL)⁵⁰. Эта группа ученых весьма много сделала для продвижения новой истории медицины, обратившись к патристическим источникам и продемонстрировав, какое влияние греко-римская медицина оказала на зарождающееся христианское богословие. Она также помогала разрушить барьеры между еврейскими и христианскими научными подходами к этому историческому периоду, выдвинув на первый план рассмотрение их взаимного влияния. Более того, то, что некоторые ученые из этой группы преподают в университетах,— тоже своего рода ответ на вопрос об актуальности патристики в высшей школе эпохи постмодерна и западной системе здравоохранения, особенно в контексте смены парадигмы: от фрагментарного современного биомедицинского типа мышления к более целостному и, я бы сказала, к постмодернистскому. Они работают в русле развивающегося направления медико-гуманитарных исследований: например, это Ионатан Цехер, Хайди Маркс, Эндрю Крислип, Бренда Левелин Иссен, Мэган Хенни и другие, преподавали или преподают историю религий студентам, изучающим медицину⁵¹. Они вполне успешно обращаются к наследию патристики, чтобы бросить вызов современным подходам к лечению, а также убеждениям о решающей роли физических и умственных способностей в ситуациях боли, страданий и исцеления. Этот факт особо ценен в нашу эпоху, когда западная биомедицина или все еще продолжает ставить клеймо альтернативности или квазинаучности на ключевых античных методах лечения, наряду с сопутствующим влиянием на политику в области здравоохранения и экономики,— или даже оказывает реальное давление на междисциплинарный подход к хроническим заболеваниям, сопровождаемое одинаковым пренебрежением к духовному измерению человеческой личности и вкладу медико-гуманитарных исследований⁵². С этим

⁵⁰ См.: <https://remedhe.com>.

⁵¹ См.: <https://remedhe.com/pedagogy>; а также обзорную статью: *Second J., Wright J. Approaches to Teaching the History of Medicine in Late Antiquity // Studies in Late Antiquity. 2019. Vol. 3 № 4. P. 475–507.*

⁵² Примером такого отношения служит Центр Чарльза Перкинса при Сиднейском университете, объединяющий исследователей в области медицины, науки, бизнеса, экологии и архитектуры, в работе которого практикуется исключительно биосоциальный подход применительно к «болезням образа жизни» (<https://sydney.edu.au/charles-perkins-centre/>). Исключением из этой

связан значительный рост практик осознанности, йоги, пилатеса в западных странах, поскольку люди стремятся обрести целостное физическое и духовное здоровье наряду со смыслом жизни. Опять же, все это связано с областью, где патристика может авторитетно заявлять о себе. Присущее патристической эпохе возрождение аскетизма, а также духовных дисциплин и монашеских поучений при большой роли физического труда — вот лишь несколько аспектов человеческого благополучия, влияющих на физическое и духовное здоровье. Крайне важно, что эти процессы происходят в рамках христианского богословия. Ведь служащие при госпиталях и христианских школах священники сталкиваются с вопросом, каким образом практики осознанности могут быть соотнесены с христианским богословием и ценностями в свете фундаментальных исследований, которые показывают пользу осознанности в качестве средства для лечения посттравматического стрессового расстройства (ПТСР), хронических болей, травм, приводящих к физической неполноценности, а также депрессии. Патрисия Синер, Рубен Перето Ривас, Хуан Карлос Альби и их коллеги в Аргентине уже провели исследования в этой области, применив по-настоящему междисциплинарный подход⁵³.

Это подводит нас к ситуации, когда стремительно увеличивается количество «духовных», но при этом не религиозных людей (обозначается как SBNR — «Spiritual, But Not Religious») в западных обществах. В то же самое время последние дебаты с участием классиков и патрологов, например, Брента Нонгбри, Карлина Бартона и Даниэля Боярина, относительно того, является ли религия категорией, существовавшей прежде

тенденции является недавно созданная Высшая школа междисциплинарной науки и инженерии в системах здравоохранения при Университете Окаймы, где при изучении проблематики старения в Японии, обращаются к данным «литературы, философии, этики, религиоведения, истории и культурной антропологии» (<http://www.gisehs.okayamau.ac.jp/english/profile/philosophy/>).

⁵³ Например, исследовательский проект 2011–2013 и 2014–2017 гг. аргентинских философов и историков христианства Рубена Перето Риваса и Сантьяго Вассеса, посвященный изучению связей аскетического учения Евагрия Понтийского и современной психотерапевтической практики третьего поколения (например, терапия принятия и ответственности, нарративная терапия) — см.: *Peretó Rivas R. ACT (Acceptance and Commitment Therapy) y Evagrio Pántico: Algunas correspondencias teóricas* // *Cauriensiа*. 2017. Vol. 12. P. 579–597.

Реформации, вносят значительный вклад в современные публичные дебаты и опасения в этом отношении⁵⁴. Аналогичные дискуссии Майястины Кахлос и других авторов по поводу представлений о религиозной терпимости и нетерпимости в патристической эпоху неожиданно выявили много точек соприкосновения с современными социальными страхами вокруг этих тем⁵⁵.

Обратной стороной феномена SBNR является то, что к монашеским орденам, число которых сократилось, могут теперь присоединяться внеконфессиональные искатели, которые стремятся соприкоснуться с опытом духовной дисциплины на практике без принятия строгих обязательств и обетов⁵⁶. Во многих случаях эти духовные практики берут свое начало в патристический период. Существует возможность для дискуссии с этими «духовными туристами» на языке антропологии, духовных ценностей и социальных условий относительно вопроса о происхождении таких практик, которые способствовали их возникновению и становлению. Одна из последних книг Поля

⁵⁴ См.: *Nongbri B. Before Religion: A History of a Modern Concept*. New Haven, 2013; *Barton C., Boyarin D. Imagine No Religion: How Modern Abstractions Hide Ancient Realities*. New York, 2016. Подобные исторические дискуссии были подвергнуты серьезной критике со стороны специалистов по философии и социологии религии — см., напр.: *Lynch Th. Social Construction and Social Critique: Haslanger, Race and the Study of Religion // Critical Research on Religion*. 2017. Vol. 5/3. P. 284–301.

⁵⁵ Напр.: *Kahlos M. Forbearance and Compulsion: The Rhetoric of Religious Tolerance and Intolerance in Late Antiquity*. London, 2009; *Losehand J. The Religious Harmony in the Ancient World: Vom Mythos religiöser Toleranz in der Antike // Göttinger Forum für Altertumswissenschaft*. 2009. Bd. 12. S. 99–132; *Canella T. Tolleranza e intolleranza religiosa nel mondo tardo antico: questioni di metodo // Vetera Christianorum*. 2010. Vol. 47. P. 249–266; о взаимосвязи с более ранними исследованиями применительно к современным религиозным конфликтам см.: *Mayer W. Re-Theorizing Religious Conflict: Early Christianity to Late Antiquity and Beyond // Reconceiving Religious Conflict: New Views from the Formative Centuries of Christianity / Ed. Mayer W., De Wet C.L. London, 2018. P. 3–29*.

⁵⁶ О присущем миллениалам поиске воплощенного духовного опыта см.: *Yuhas S. Losing my Religion: Why Millennials are Leaving the Church // The Emerging Church, Millennials, and Religion / Ed.R. Reed, G.M. Zbaraschuk. Vol.1: Prospects and Problems*. Eugene (OR), 2018. P. 137–161, 149–150; анализ христианских духовных центров и их посетителей как «свободных духовных искателей» в Нидерландах см. в статье: *Bisschops A. The New Spirituality and Religious Transformation in the Netherlands // International Journal of Practical Theology*. 2015. Vol. 19 /1. P. 24–39.

Дилли «Монастыри и душепопечение в христианстве поздней Античности» во многих аспектах уже обращается к этой проблематике, отвечая на вопросы о том, почему люди тогда и сейчас выбирали увлечение подобными предметами⁵⁷. Текущий рост спроса на духовных наставников является очередным побочным эффектом. Монашеская литература, подобная «Изречениям отцов» (*Apophthegmata patrum*), которая изучает и разрабатывает тему отношений между наставником и учеником, в свою очередь оказывается связана с размышлениями о целостном здоровом самочувствии, или, наоборот, с провокативными допущениями относительно негативной оценки, которую мы обычно придаем понятию «недееспособность». Книга Андрю Крислипа «Тернии на плоти» и недавняя статья в журнале «Раннехристианские исследования» Шона Модберго являются характерными примерами открытых, которые могут быть сделаны на основании этих подходов⁵⁸. Обеспокоенность вопросами старения или ценности стареющего человека, а также дееспособного или неполноценного тела, — вот темы, которые относятся к аскетическому направлению, представленному в патристическую эпоху, и повороту к материальному в поздней Античности, весьма талантливо и тщательно рассмотренному Патрисией Кокс в ее труде «Телесное воображение»⁵⁹. Все эти темы оказываются в центре все возрастающего внимания патрологов, которым следует лишь отыскать подходящие способы, чтобы применить выводы своих исследований к публичным дебатам XXI в.⁶⁰

Чтобы расширить тематику этой статьи, следует заметить, что материальные, но невидимые демоны, имеют отношение не только к патристической эпохе. Благодаря устойчивому,

⁵⁷ Dille P. Monasteries and the Care of Souls in Late Antique Christianity: Cognition and Discipline. Cambridge, 2017.

⁵⁸ Crislip A. Thorns in the Flesh: Illness and Sanctity in Late Ancient Christianity. Philadelphia, 2013; Moberg S. The Use of Illness in the Apophthegmata patrum // Journal of Early Christian Studies. 2018. Vol. 26 / 4. P. 571–600.

⁵⁹ Miller P.C. The Corporal Imagination: Signifying the Holy in Late Ancient Christianity. Philadelphia, 2009.

⁶⁰ См. относительно недавний пример исследования трудов свт. Иоанна на тему правильного питания: *De Wet C.L. The Preacher's Diet: Gluttony, Regimen, and Psycho-Somatic Health in the Thought of John Chrysostom // Revisioning John Chrysostom*. P. 410–463.

а в некоторых случаях и стремительному росту пятидесятничества в странах Глобального Юга, духовная брань с нечистыми духами становится актуальной проблемой для тех регионов, в культуре которых духи традиционно рассматривались в качестве неотъемлемой части жизни. Мировоззрение этих культур имеет общие черты с патристическим взглядом на мир духов или демонов и их влияния на личность. В этом случае можно отметить наличие естественной синergии с монашескими представлениями относительно нападок демонов, подходами в патристической антропологии и психологии и пониманием роли святых мужчин или женщин при избавлении от них. Как недавно показала специалист по истории раннего христианства Саманта Миллер в исследовании об антропологическом и психологическом подходе свт. Иоанна Златоуста к демонам, диалог между патристическим подходом к этой проблеме и отношением пятидесятников XXI в. демонстрирует разногласия в постановке вопроса относительно роли человека в предполагаемой брани с демонами⁶¹.

В свете нашей антропологической дискуссии о человеческом теле массовое перемещение людей через границы — будь то по причине гражданских войн, климатических изменений, или геноцида расовых меньшинств — является еще одной злободневной темой в мировом масштабе, которая в некоторой степени представлена в патристическую эпоху. В XXI в. это привело к росту ряда ответных мер, вызванных страхом перед мигрантами, осознанию нехватки ресурсов и обвинениями в том, что беженцы являются мошенниками и преступниками. Ведутся напряженные публичные дебаты относительно того, какая же реакция более уместна с точки зрения социального благополучия. На ум сразу приходят стена Дональда Трампа на границе с Мексикой и «Брексит» (выход Великобритании из ЕС). Австралийская политика содержания беженцев (так называемых *boat people*) на неопределенный срок в лагерях за пределами границ страны служит еще одним примером этих проблем гуманитарного характера. Патристические тексты также затрагивают темы, которые могли бы лечь в основу

⁶¹ Miller S.L. The Devil did Not Make You do It: Chrysostom's Refutation of Modern Deliverance Theology // Revisioning John Chrysostom. P. 613–637.

плодотворной дискуссии о гостеприимстве для чужеземцев, проблеме незаконного ввоза людей и расовых предрассудков⁶². Отдельные доклады в секциях по этой теме на Международной патристической конференции в 2019 г. содержат материал для знакомства с некоторыми возможностями для диалога. В патристическом наследии можно обнаружить примеры осмысления природных катастроф и последствий изменения климата, которые хорошо соотносятся с постмодернистскими опасениями относительно социальной и индивидуальной устойчивости. Перемены в технологиях, в области попечения о малоимущих и больных, а также в политических и церковных системах, которые имели место в патристическую эпоху, могут быть плодотворно соотнесены с теорией устойчивости⁶³.

В продолжение этих тем Сьюзан Холман стала первой за 15 лет, кто отметил универсальность патристического мышления при взгляде на социальную напряженность и современные проблемы общественного здравоохранения, используя те способы, которые действительно носят междисциплинарный характер. После первых сочинений об отцах-каппадокийцах, голоде, нищете и благосостоянии, она сместила акцент в сторону таких гуманитарных проблем, как правосудие в сфере водных ресурсов⁶⁴. В последние годы Крис де Вет вместе с другими исследователями рассматривает тему рабства, а также взгляда раннего христианства, прежде всего патристической мысли, на проблематику социальной слепоты западного мира на протяжении тысячелетий⁶⁵. Считается, что рабство упразднено, но

⁶² См., напр., рассуждения на тему перемещения населения: *Allen P., Neil B. Crisis Management in Late Antiquity (410–590 CE): Evidence from Episcopal Letters*. Leiden, 2013. P. 37–70.

⁶³ Тема XIII двухгодичного научного совещания «Расширяя горизонты поздней Античности», проведенного 14–17 марта 2019 г. в Клермонт (штат Калифорния): «Совместная реакция на локальные бедствия: экономические, экологические, политические, религиозные аспекты», — свидетельствует о недавнем повороте в науке к этой теме.

⁶⁴ Напр.: *Holman S.R. The Hungry are Dying: Beggars and Bishops in Roman Cappadocia*. Oxford, 2001; *idem. God Knows There's Need: Christian Responses to Poverty*. Oxford, 2009; способность этой исследовательницы сочетать такие дисциплины, как патристика и здравоохранение, может служить примером для подражания, см. список её работ: <https://ptochotrophia.wordpress.com/publications2/>.

⁶⁵ См., напр.: *De Wet C.L. Preaching Bondage: John Chrysostom and the Discourse of Slavery in Early Christianity*. Oakland, 2015; *idem. The Unbound God: Slavery and*

мы вновь и вновь становимся свидетелями похищения людей, незаконной торговли и порабощения молодых женщин со стороны преступных группировок ради сексуальной эксплуатации, а также наблюдаем экономическое закрепощение трудящихся из-за сомнительной системы получения вида на жительство и систематически несправедливой оплаты труда. Последняя практика особенно распространена в агропромышленном секторе, добыче полезных ископаемых и на фабрично-заводских предприятиях. Оба явления носят глобальный и транснациональный характер. И в этой связи многое еще предстоит изучить, ведь в святоотеческой мысли существует значительный потенциал ответов на аналогичные проблемы, и можно использовать их в современных подходах и публичных дискуссиях относительно этих форм несправедливости.

Николетта Акатриней прокладывает путь в этой области посредством объединения экономической теории и патристической мысли, апробируя свои выводы и полученные результаты в работе со студентами в китайских университетах⁶⁶. Хелен Рии совместно с коллегой-экономистом в течение некоторого времени совместно развивала в преподавательской деятельности тему богатства и бедности⁶⁷. Проблемы экологии и окружающей среды — животрепещущая тема для XXI в., но при этом удивительно мало было сделано для изучения этой темы в свете патристики. Тем не менее возможность для патристической мысли внести вклад в эту сферу была убедительно

the Formation of Early Christian Thought. London, 2018; *idem*. The Captive Monk: Slavery and Asceticism in Early Syrian Christianity. London, 2019; *Glancey J.* Slavery in Early Christianity. Oxford, 2002.

⁶⁶ См. подробное раскрытие смежных тем из области патристики и экономической теории в докладе этой исследовательницы в рамках Международной конференции по патристике в Оксфорде 21 августа 2019 г: «La nature humaine de l'homo oeconomicus: un enquête anthropologique dans le commentaire sur Matthieu de Jean Chrysostome»; также см. статьи: *Acatriene N.* Saint Jean Chrysostome et l'Homo oeconomicus: Une enquête d'anthropologie économique dans les homélies sur l'évangile de St Matthieu. [Orthodox Research Institute, 2008], *idem*. Work Motivation and Pro-social behavior in the delivery of public services: Theoretical and empirical insights. DOI: 10.5886/20.500.12424/166516.

⁶⁷ Этот курс назывался «Теология и экономические аспекты богатства и бедности»: https://classic.westmont.edu/_academics/departments/religious_studies/helen-rhee.html.

продемонстрирована современным австралийским католическим теологом Денисом Эдвардсом. В его посмертно изданной книге «Глубина воплощения» две из пяти глав посвящены рассмотрению взглядов сщмч. Иринея Лионского и свт. Афанасия Александрийского на вопрос заботы об окружающей среде⁶⁸. Социальная доктрина Католической Церкви всегда признавала ценность патристической мысли для решения современных проблем, но, как показал проект Католического университета Лёвена с участием Йохана Леманса, Брайана Матца и специалиста по этике Йохана Верстратена, предстоит еще многое сделать для обоснования необходимости и единственности подобных перекрестных исследований⁶⁹. На мой взгляд, это удалось Денису Эдвардсу, продемонстрировавшему сходства и различия в культурных установках. Постепенное признание сходства, а то и прямой эквивалентности, между святоотеческой антропологией и современным мировоззрением XXI в., укрепляет диалог между патристическим и современным социальным мышлением в качестве междисциплинарного подхода.

Также остро стоят, по крайней мере в западном мышлении, наряду с поиском духовности, смысла жизни и заботе об окружающей среде, различные гендерные вопросы. Легализация однополых браков, растущая гендерная флюидность, опасение относительно безбрачия у духовенства, утрата мужской идентичности и распространение семейного насилия — вот самые актуальные социальные проблемы. Наряду с размышлениями о вопросах пола и аскетизме, с одной стороны, и сексе, грехе и стыде — с другой, не говоря уже о медицинско-философских представлениях о гендере и социальной нише, целиком занятой евнухами, патристический период содержит особенно богатый материал для обсуждения проблем, актуальных для XXI в. и связанных с тематикой гендерных ролей и гендерной идентичности. В последние два десятилетия наблюдается значительный прогресс среди исследователей

⁶⁸ Edwards D. Deep Incarnation: God's Redemptive Suffering with Creatures. Maryknoll (NY), 2019.

⁶⁹ Matz B. Patristics and Catholic Social Thought: Hermeneutical Models for a Dialogue. Notre Dame (IN), 2014; Reading Patristic Texts on Social Ethics: Issues and Challenges for Twenty-First Century Christian Social Thought / Ed. J. Leemans, B. Matz, J. Verstraeten. Washington (DC), 2011.

патристики и поздней Античности именно в этих областях⁷⁰, но новое, более осмысленное выведение этого направления на сцену публичных дискуссий может повысить его значимость и содействовать в дальнейшем его общественной ценности.

Кроме того, в мире, где эмоционально окрашенная риторика находится на подъеме, чему способствует возросшее использование политиками постов в «Твиттере» и глобальное распространение смартфонов и социальных медиа, когнитивная лингвистика дает нам возможность преодолеть глубокое расхождение между патристическим учением и XXI в. Исследование Анны Ребекки Золеваг о метафорах здоровья и связанных с медициной образов в письмах св. Игнатия Антиохийского⁷¹, Эрика Фурнье — об образах, связанных с ампутацией конечностей в контексте епископской ссылки⁷², и мое собственное — о тех метафорах, которые пронизывают известное собрание гомилий свт. Иоанна Златоуста «Против иудеев»⁷³ направлены на разрушение многовековых представлений относительно приоритета рассудка над эмоциями. В случае с гомилиями свт. Иоанна Златоуста мне удалось показать, что когнитивные подходы расшатывают, даже приводят к полному краху устоявшиеся различия между антииудаизмом и антисемитизмом. Как результат когнитивных исследований, мы вынуждены признать, что воздействие на слушателя не зависит от авторского замысла. В недавней книге, которая в значительной степени является работой Эрика Фурнье, на основании современных исследований в области критической риторики и когнитивных

⁷⁰ Имена и публикации тех, кто работает в этой области, весьма многочисленны, в первую очередь можно упомянуть Лиз Кларк, Кейт Купер, Бен Даннинг, Марк Мастерсон, Мэтью Куффлер, Вирджиния Буррус и Кайл Харпер.

⁷¹ *Solevåg A.R. Medical Metaphors in Ignatius' Letters // Disability, Medicine, and Healing Discourse in Early Christianity: New Conversations for Health Humanities/* Ed. S.R. Holman, C. L. de Wet, J.L. Zeher. Abingdon; Oxon; New York, P. 13–29; другие примеры статей по теме «Переосмысление телесных метафор: Физиологические и медицинские рассуждения в позднеантичном христианстве» опубликованы в специальном выпуске журнала *Studies in Late Antiquity*. 2018. Vol. 2 /4.

⁷² *Fournier É. Amputation Metaphors and the Rhetoric of Exile: Purity and Pollution in Late Ancient Christianity // Clerical Exile in Late Antiquity /* Ed. J. Hillner, J. Enberg, J. Ulrich. Frankfurt am Main, 2016. P. 231–249.

⁷³ См. примеч. 47.

наук я высказала гипотезу о возможности существования в буквальном смысле биохимической нейронной зависимости среди части патристической аудитории от риторики, благодаря которой формируется восприятие собственной исключительности⁷⁴. Такого рода исследования наглядно показывают, каким образом изучение когнитивной лингвистики и социальных явлений в патристический период могут иметь в настоящее время вес в публичных дискуссиях по таким вопросам, как расовое превосходство, антисемитизм, религиозные конфликты и насилие.

Темы религиозных конфликтов и религиозного насилия — одни из самых заметных областей, в которых патристические исследования показывают свою общественную значимость в XXI в. Есть много крупных национальных и международных исследовательских проектов, посвященных изучению различных аспектов этих тем. Можно вспомнить исследование Мары Маркос и ее испанских коллег⁷⁵, проекты Жильвана Вентуры да Силвы и его студентов в Бразилии⁷⁶ или Николя Белайша,

⁷⁴ Mayer W. Heirs of Roman Persecution: Common Threads in Discursive Strategies Across Late Antiquity // Heirs of Roman Persecution: Studies on a Christian and Para-Christian Discourse in Late Antiquity / Ed. É. Fournier, W. Mayer. London, 2019. P. 317–339.

⁷⁵ В рамках исследовательского проекта 2009: «Конфликт и совместное существование в раннем христианстве: религиозная риторика и эсхатологические дебаты» под руководством Мерседес Лопес Сальва в сотрудничестве с исследователями из Университет Комплутенсе в Мадриде, Университетом Кантабрии, Гранадского университета, Университета Леона, Высшего совета по научным исследованиям (Испания) и Гарвардского университета (кафедра классической филологии и факультет теологии); см.: De cara al Más Allá: Conflicto, convivencia y asimilación de modelos paganos en el cristianismo antiguo / Ed. Mercedes López Salvá. Zarazoga, 2010. También исследовательский проект 2007–2009 гг. Мар Маркоса и Хосе Фернандеса Убины: «Мультикультурализм, религиозное сосуществование и конфликт в античном мире в III–VII вв.» (2007–2009), и его вторая часть в 2010–2012 гг.: «Стратегии в античной древности и христианстве для разрешения конфликтов в эпоху поздней Античности».

⁷⁶ «Образы перемен в поздней Римской империи: иудеи и формирование римской христианской идентичности» (2003–2005); «Религиозная нетерпимость и культурные конфликты в Римской империи: применительно к иудеям, язычникам и еретикам» (2007–2009); «Формирование христианской идентичности в Римской империи: свт. Иоанн Златоуст и конфликт с иудеями и иудаизующими в Антиохии» (2007–2010).

Симоны Мимуни и Пьерлуиджи Ланфранки во Франции⁷⁷, Йоханна Хана в Германии⁷⁸ — достаточно упомянуть лишь некоторые из них. В Австралии же Полин Аллен, Бронвен Нил вместе со мной и с Крисом де Ветом из Южной Африки, со студентами и аспирантами, занимались изучением переосмысления памяти о прошлом в разрушении религиозных объектов⁷⁹. Йитсе Дейкстра развивал свой собственный проект, финансируемый Канадой, посвященный религиозному насилию и разрушению Египта в патристическую эпоху⁸⁰. В этой связи особенно продуктивным стало достижение диалога между историками-исследователями религиозного насилия в античной Греции и Риме с исследователями возникновения раннего христианства, с одной стороны, и между представителями обоих этих направлений и ведущими специалистами в области социологии религии — с другой⁸¹. Схожий подход в связи с первым аспектом, связанный с привлечением к дискуссии специалистов по классической древности и исследователей

⁷⁷ Напр., проект 2007–2010 гг. при французском исследовательском центре Гюстава Глотца «Религиозное сосуществование и контакты в эллинистическом и римском мире», а также итоговая публикация: *L'oiseau et le poisson: cohabitations religieuses dans les mondes grec et romain* / Ed.N. Belayche, J.-D. Dubois. Paris, 2011; см. также: *Entre lignes de partage et territoires de passage. Les identités religieuses dans les mondes grec et romain: «Paganisms», «Judaïsmes», «christianismes»* / Ed.N. Belayche, S.C. Mimouni. Leuven, 2009; *Lafranchi P. L'usage des émotions dans la polémique anti-juive: L'exemple des discours contre les Juifs de Jean Chrysostome // Judaïsme et christianisme chez les Pères* / Ed. M.-A. Vannier. Turnhout, 2015. P. 237–252.

⁷⁸ В рамках исследовательского проекта 2000–2003 гг. гранта Немецкого научно-исследовательского общества «От храма к церкви: разрушение и обновление топографии местных культов в поздней Античности» см.: *Emmel St., Gotter U., Hahn J. «From Temple to Church»: Analysing a Late Antique Phenomenon of Transformatio // From Temple to Church: Destruction and Renewal of Local Cultic Topography in Late Antiquity* / Eadem. Leiden, 2008. P. 1–22.

⁷⁹ В рамках проекта 2017–2020 гг. Австралийского исследовательского совета: «Воспоминания об утопии: разрушение прошлого ради созидания будущего (300–650 гг. по Р.Х.), результатом которого стал сборник статей: *Memories of Utopia: The Revision of Histories and Landscapes in Late Antiquity* / Ed. Neil B., Simic K. London, 2020.

⁸⁰ Проект 2015–2021 гг. Совета по социальным и гуманитарным исследованиям Канады: «”Я хотел бы совершить жертвоприношение Богу сегодня”: Религиозное насилие в Египте эпохи поздней Античности».

⁸¹ См.: *Religious Violence in the Ancient World: From Classical Athens to Late Antiquity* / Ed. J. H.F. Dijkstra, Ch.R. Raschle. Cambridge, 2020.

раннего христианства и патристики, имел место в 2018 г. на коллоквиуме по классической филологии в Южной Африке⁸².

После обзора этих исследовательских проектов и их результатов становится очевидным, что они служат примерами постмодернистского подхода, который игнорирует прежние строгие междисциплинарные границы и показывает полезность методов, связанных с расширением поля зрения. Поддержка со стороны Скотта Джонсона и других молодых ученых транснациональных подходов к изучению (особенно на Востоке) роли христианства в патристическом и византийском Средиземноморском мире в равной степени отражает мировоззрение XXI в.⁸³ Одновременно эти подходы разрушают прежние убеждения о религии и формулируют новые вопросы, основанные на тревогах XXI в. Мое исследование когнитивных подходов в моральной психологии, опирающееся на результаты когнитивной лингвистики и теорию когнитивных метафор, поставило под сомнение представление о существенной связи между насилием и религией. Оно поднимает вопрос, являются ли нарративы, сохраняющие память о прошлом насилии против группы, позиция которой подкреплена письменными источниками, действительно отражением реальных событий. Или же такие нарративы, напротив, провоцируют новые проявления насилия в будущем⁸⁴. Доклады на последней конференции, где я предложила на обсуждение эти теории, особенно в свете тематики идеологических нарративов, вызвали живой отклик у аудитории, связанный с тем аспектом, что это исследование затрагивает и помогает объяснить не только прошлое патристической эпохи, но и современные социальные и политические реалии, например первое президентство Дональда Трампа в Америке или стремление к Брекситу в Великобритании⁸⁵.

⁸² См. выше примеч. 11.

⁸³ Транснациональная парадигма была положена в основу симпозиума по Византийским исследованиям в научном центре Думбартон-Оксе «Мир Византии», прошедшего под председательством Скотта Джонсона 22–23 апреля 2016 г., см.: <https://www.doaks.org/newsletter/news-archives/2016/a-report-on-the-proceedings-of-the-2016-byzantine-studies-symposium>.

⁸⁴ Mayer W. Religious Violence in Late Antiquity: Current Approaches, Trends and Issues // Religious Violence in the Ancient World. Р. 251–265.

⁸⁵ См. неизданные вступительные доклады: «Переписанная память: исследование действия повествований о сопротивлении, насилии и поругании

Такой вид синергии между прошлым и настоящим приносит чувство удовлетворения.

И все же исследование патристических высказываний о разрушении Иерусалимского храма в сопоставлении с археологическими данными, на которые опирались в своих работах Дейкстра и другие ученые, показывает: риторика нередко преувеличивает, а иногда и существенно искажает реальность. Поэтому нам следует задать себе вопрос: можно ли считать наши собственные выводы достоверными, или же они тоже оказываются искаженными? Подобно тому как учёные эпохи модерна ставили вопросы, продиктованные их мировоззрением, и неизбежно получали результаты, согласующиеся с этим взглядом, стоит спросить: не ведет ли и наш постмодернистский подход к патристической эпохе к выводам, которые лишь подтверждают постмодернистские идеи? А если это так, можем ли мы говорить, что в исследовании религиозных конфликтов и насилия нам действительно удается преодолеть разрыв между прошлым патристикой и реальностью XXI в. — или это лишь иллюзия? С другой стороны, постмодернизм сам по себе открывает путь к подобным вопросам. В эпоху, где истина считается не абсолютной, а относительной, лучше спросить: имеет ли вообще значение, преодолели ли мы разрыв на самом деле или только думаем, что преодолели?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

H

а этом я завершаю свои размышления на тему отношений между патристикой и постмодернизмом. Какие выводы можно сделать? Как я уже говорила ранее, постмодернизм одновременно критикует

в прошлом» на конференции «Азиатско-тихоокеанское партнерство в поздней Античности» 11–13 июля 2018 г. и «Восстановление прошлого ради права на будущее: раскрытие роли исторической памяти в религиозно-мотивированном насилии» на конференции Швейцарского института в Риме «Оспаривая историю: роль исторического мышления в религиозных конфликтах» 23–25 октября 2019 г.; также см.: Mayer W. Heirs of Roman Persecution: Common Threads in Discursive Strategies Across the Late-Antique East // Heirs of Roman Persecution: Studies on a Christian and Para-Christian Discourse in Late Antiquity / Ed. É. Fournier, W. Mayer. London; New York, 2020. P. 317–339.

этую область научного знания и предлагает возможности для развития. В западном пост- и постпостмодернистском академическом сообществе практически не предусмотрена возможность того, что некая отдельная отрасль знания может обладать сама по себе внутренней ценностью. Каждая дисциплина должна демонстрировать свою экономическую или общественную ценность на основании анализа рентабельности. Именно таким способом выделяются гранты на исследования, по крайней мере в Австралии. Для дисциплины, в центре внимания которой традиционно было развитие христианского вероучения, а существенные исследовательские усилия были направлены на кропотливую филологическую работу, тщательное изучение рукописей, редактирование и публикацию текстов, обоснование экономической ценности может оказаться весьма непростым делом. Как уже было сказано в самом начале, патристика является дисциплиной, которая всегда испытывала сложности с точки зрения обоснования собственной легитимности. По крайней мере, именно так обстоит дело за пределами духовных учебных заведений, факультетов теологии, монашеских орденов в римско-католической, англиканской и восточнохристианской традиций. И все же интерес к этой области усиливается и все продолжает расти, в большей степени в светской академической среде благодаря той легитимности, которую в настящее время патристике обеспечивают все более развивающиеся исследования поздней Античности. В этом смысле в отношении поздней Античности патристика может рассматриваться как смежная область или как субдисциплина.

Подобный оптимизм в отношении будущего должен быть осмыслен перед лицом другого вызова, брошенного со стороны постмодернизма. В XXI в. христианские институции сами по себе пребывают в опасности — прежде всего духовные учебные заведения, факультеты теологии и монашеские ордена, которые ранее поддерживали изучение патристики. Когда патристика проникает в светские университеты, она оказывается под двойным давлением. Преодоление разрыва между патристикой и постмодернизмом важно именно потому, что все формы институциональной религии, с одной стороны, все чаще рассматриваются как неуместные, а с другой стороны,

гуманитарное образование, в рамках которого патристика проникает в светскую среду, само по себе воспринимается как область, обладающая весьма слабым влиянием на экономические или социальные ценности. Смею надеяться, что мне удалось убедить читателей этой статьи в том, что дела обстоят ровно наоборот. Патристика как область науки обладает исключительной ценностью для общества именно потому, что социальные условия постмодернистской и патристических эпох обладают существенными точками пересечения. Как патристический, так и постмодернистский мир, если заимствовать характеристику Э.Р. Доддса, являются «эпохами беспокойства»⁸⁶. В обеих эпохах человеческий разум, который обладает телесным характером, в фундаментальном смысле понимается одинаково. Человеческое сознание и поведенческие установки, будучи порождением одинаковых типов риторического или общественного давления, факторов окружающей среды, в своих когнитивных процессах проявляют общие черты, которые выражаются одинаковыми средствами, независимо от культурных различий. Таким образом, как я полагаю, мы можем преодолеть разрыв между двумя эпохами. Исследование патристики в свете постмодернизма — в равной степени как и изучение постмодернистских условий существования, опасений и проблем через призму патристики — является двусторонним процессом, обладающим значительным потенциалом для плодотворных открытий.

⁸⁶ Это выражение было введено Ч. Доддсом в рамках лекционного курса, прочитанного им в 1963 г. в университете Белфаста и впоследствии опубликованных в виде монографии: *Dodds E.R. Pagan and Christian in an Age of Anxiety*. Cambridge, 1965; подробнее см. в ретроспективном исследовании: *Morgan T. Pagan and Christian: Fifty Years of Anxiety // Rediscovering E.R. Dodds: Scholarship, Education, Poetry and the Paranormal / Ed. St. Harrison, Ch. Pelling, Ch. Stray*. Oxford, 2019. P. 182–197.

Patristics and Postmodernity: Bridging the Gap

Wendy Mayer

Professor of Church History, Australian
Lutheran College (ALC)

FOR CITATION: Mayer W. Patristics and Postmodernity: Bridging the Gap / Transl. A. Petrov // Bogoslov. 2025. № 4 (8). P. 7–41. DOI: 10.62847/BOGOSLOV.2025.8.4.001

ABSTRACT In the twenty-first century, across universities, theological schools, and countries, patristics is under pressure. The increasing secularism of western countries, the pressures of business- and vocationally-driven educational models, a deep suspicion of institutionalised religion in the wake of nation-wide sex-abuse scandals, and fundamentalist movements – to name but a few social and political factors – are all having their impact. In this paper I argue that these same factors are in fact an opportunity for re-energising and re-investment in the field. A case can be made to governments, society and university or college administrators that patristics is relevant and has something vital to contribute. Examples are drawn from personal experiences since taking up the position of Associate Dean for Research in a small embattled theological college where many of these challenges are encountered in microcosm. My scholarly formation in patristics research, I have found, speaks to those challenges in surprisingly fruitful ways. If Elizabeth Clark famously argued in the 1990s for more church history, less theology in the field, what I will propose are some further avenues which postmodernity challenges us to take up. That vision embraces and lifts up a future for patristics in not just Europe, the United Kingdom and North America, but also Asia and the global South.

KEYWORDS: patrology, patristics, interdisciplinary research, postmodernism, theological studies

The article was submitted 10.11.2025,
approved after reviewing 20.11.2025,
accepted for publication 21.11.2025.